

9. ЦДАГО України. – Ф. 1. – Оп. 20. – Спр. 6975.
10. Собрание Законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. – М., 1937.
11. Збірник важливих постанов по сільському господарству за 1930-1941 рр. – К.-Х., 1941.
12. Український голокост 1932-1933: Свідчення тих, хто вижив: У 3 тт. / За ред. О.Ю. Мисика. – К., 2003. – Т. 2.
13. Марьяхин Г.Л. Налоговая система СССР. – М., 1952.

Т. Д. Надькин

ГОЛОД В СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ ДЕРЕВНЕ В ГОДЫ ДОВОЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)

Аграрную политику в годы первых пятилеток в целом можно охарактеризовать как комплекс мер по ускоренному формированию и поддержанию в нужном режиме функционирования огосударственного сельскохозяйственного производства в виде колхозно-совхозной системы, обеспечивающей перекачку материальных, финансовых и людских ресурсов для развития тяжелой индустрии в Союзе ССР. Данная модель, основанная на господстве партийно-советского государства и фактически полном подчинении ему сельского социума, реализовывавшаяся вплоть до начала 1950-х гг., привела к обострению продовольственной ситуации и неоднократному голоду в сельской местности уже на протяжении 1930-х гг.

Проблема голода 1932 – 1933 гг. имеет на сегодняшний день обширную историографию, при этом, пожалуй, большинство российских историков считают его следствием политики насильственной коллективизации, проводившейся руководством СССР в годы первой пятилетки для решения задач ускоренной индустриализации [1; 2; 3; 4; 5]. Однако если проанализировать мнения о положении в деревне в последующие годы, основных итогах сталинской модернизации аграрной сферы к концу 1930-х гг., мы увидим насколько они различны. В одних публикациях аргументируется общий кризис созданной колхозной системы, который только усугубился в Великую Отечественную войну, а в других утверждается, что трудности начала 1930-х гг. были преходящи, для дальнейшего же времени характерны стабилизация и даже рост сельскохозяйственного производства в стране, а колхозный строй выдержал суровые испытания и доказал свою жизненную силу в военные годы [6; 7]. Цель исследования состоит в анализе проблемы продовольственной безопасности сельского населения во второй половине 1930-х гг. в рамках "победившей" колхозной системы. Объектом выступает средневолжская деревня в годы советской довоенной модернизации. Предметом – особенности реализации аграрной политики государства в начале 30-х гг. ХХ в. в среднем Поволжье.

Наше исследование основано на материалах Мордовии*, представляющей и в середине прошлого века регион Среднего Поволжья с абсолютным преобладанием сельского населения (по переписи

1926 г. сельское население составляло 96,2%, а по переписи 1939 г. – 92,5, по переписи 1959 г. – 80,0% [8, 81; 9, 65 – 67]).

Коллективизация сельского хозяйства Мордовии, как и некоторых других автономий Среднего Поволжья, растянулась вплоть до середины 1930-х гг. (в январе 1931 г. в колхозах состояло 10,3% хозяйств, в январе 1932 г. – 71,5, в январе 1933 г. – 57,8, в октябре 1934 г. – 63,8, в октябре 1935 г. – 73,4% [10, 153]), но "социалистический" сектор стал фактически основным производителем продукции полеводства уже в конце первой пятилетки, когда ему стало принадлежать более 80% посевной площади. В то же время с 1931 г. по мере роста числа колхозов в Мордовии резко увеличиваются государственные заготовки зерновых культур, что было обусловлено не ростом их валовых сборов, а повышением контрольных заданий руководством Средневолжского края, основанных на планах центральных органов власти. В 1931 – 1932 гг. хлебозаготовки выросли по сравнению с 1929 – 1930 гг. более чем в 2 раза (с 9,5% от валового сбора в 1929 г. до 24,2% в 1932 г. [10, 57]). Распределение же хлеба на заработанные колхозниками трудодни проходило только после выполнения хлебозаготовок, натуроплаты МТС, а также засыпки семенного, страхового, фуражного и др. фондов. При этом нередко сам этот процесс затягивался. Так, распределение доходов из урожая 1932 г. было осуществлено только к середине февраля 1933 г., что, конечно, сказалось на обеспечении колхозников хлебом.

В результате хлебозаготовок 1931 – 1932 гг. крестьянство Мордовии как колхозное, так и единоличное осталось практически без хлеба. Уже с началом коллективизации в сельской местности стали проявляться первые симптомы надвигающегося социального бедствия (употребление в пищу овса и различных суррогатов, рост инфекционных заболеваний и др.). Свою лепту в обострение ситуации внесла и засуха 1932 г., снизив урожайность полевых культур и, прежде всего, овса и картофеля [10, 57]. Однако валовой сбор ржи в указанном году был ненамного ниже благоприятных лет (например, 1929 или 1931 г.) и если бы не хлебозаготовки, проводившиеся часто методами "военного коммунизма", распространение голода можно было бы избежать. Более того, погодные условия 1930 г. в Мордовии имели более негативные последствия, низким оказался урожай основной зерновой культуры в этот период – ржи, однако голода не было, так как у крестьян, очевидно, еще оставались свои собственные запасы продовольствия от предыдущих лет.

Спецдонесения и спецсводки облотдела ОГПУ дают возможность представить реальную картину обрушившегося с конца 1932 г. и до начала уборочной кампании 1933 г. практически на все районы Мордовии голода. Приведем отдельные примеры из подобных документов, являвшихся вплоть до 1990-х гг. "секретными". В Zubovo-Полянском районе Мордовии колхозники из-за отсутствия хлеба питались суррогатом в виде смеси из чечевичной муки, мха и просяной мякоти. Отмечались случаи, когда отекавшие от голода колхозники были вынуждены выкапывать из скотомогильников павших лошадей на еду. В селах района свирепствовал сыпной тиф. "Смертность по

* 1928 - 1930 гг. - Мордовский округ (МО), 1930 - 1934 гг. - Мордовская автономная область (МАО), 1934 - 1990 гг. - Мордовская АССР (МАССР), 1990 - 1994 гг. - Мордовская ССР (МССР), с 1994 г. - Республика Мордовия (РМ).

с. Анаево за последнее время резко увеличивается, ежедневно умирает 10 и более человек, преимущественно дети – сообщалось в спецподке облотдела ОГПУ в облисполком 21 мая 1933 г. – С 1 апреля по 10 мая умерло не менее 130 чел. ... Из-за отсутствия хлеба население уезжает в Сибирь, куда из Анаева выбыло более 30 хозяйств" [11, 122, 161]. Подобная ситуация с продовольствием было в селах Темниковского, Краснослободского, Атяшевского и др. районов.

Из-за отсутствия продовольствия работники ОГПУ также отмечали массовые отказы колхозников от выхода летом 1933 г. на работу в поле. Спецдонесения констатировали: "Весь хлеб отвезли государству, а сами теперь голодаем"; "Мы голодные, едим суррогат, да и того нет, работать нет сил" (колхозы "Искра" с. Голышевка, "Од-Эряф" с. Гальчевка и др. Zubovo-Полянского района); "Большая часть колхозников не имеет хлеба, поэтому имеются случаи невыхода на работу" (колхоз им. Буденного, Саранский район) [11, 162, 224].

Хронический недостаток продуктов питания и голод, всплеск инфекционных болезней (например, заболеваемость сыпным тифом выросла в 1933 г. по сравнению с 1930 г. в 15 раз), оказали самое непосредственное влияние на снижение в 3,4 раза естественного прироста сельского населения Мордовии в по итогам 1933 г. по сравнению с 1930 г. (в 1930 г. – 27 043 чел., в 1933 г. – 7 868 чел. [10, 157]).

Тем не менее, голод на территории Мордовии все же не был таким сильным, как в основных зерновых российских регионах, где коллективизация в основном была завершена уже летом-осенью 1931 г. Об этом свидетельствует не только наличие хоть и минимального, но прироста населения, но и данные о прибытии в область жителей из других более голодных местностей.

Такие последствия коллективизации, как голод привели к деформации в общественном сознании крестьянства и, прежде всего в его отношении к работе на земле. Так, судя по имеющимся документам, рядовые колхозники не испытывали большого желания работать за не обеспеченные ни хлебом, ни деньгами трудодни. Таких отлынивающих от общественных работ колхозников в довоенные годы в Мордовии насчитывалось не менее 30% от общего их числа, что, конечно, сказывалось на качественном проведении, как посевных, так и уборочных кампаний. Например, в 1936 г. в Старошайговском и Чамзинском районах при урожайности зерновых в 3,3 ц/га потери составляли до 1 ц с гектара [12, 117]. В то же время члены колхозов большую часть сил и времени стали отдавать личным приусадебным хозяйствам (ЛПХ), которые позволила иметь советская власть по новому Уставу сельхозартели 1935 г.

Исследование функционирования колхозной системы в последующие годы не дает нам возможности говорить о каком-либо кардинальном улучшении положения. Например, в 1934 – 1935 гг. до 30% колхозов республики выдали на 1 трудодень в среднем по 2 кг хлеба (на 1 едока пришлось до 1 ц хлеба) [10, 70]. Руководство МАССР неоднократно обращалось в центр с просьбой об оказании продовольственной, семенной и фуражной ссуд, которые хоть и выдавались, но в минимальных размерах и с условием возврата с 10% надбавкой.

Во второй половине 1930-х гг. более или менее благополучными можно считать лишь 1937 и предвоенный 1940 г. В 1936, 1938 и 1939 гг. снова фиксировалось падение урожайности зерновых культур, при этом последние два года вместе с годами войны особенно выделялись руководством Мордовии как приведшие "к серьезному ослаблению большинства колхозов" [13, 90].

Неблагоприятные погодные условия 1936 г. вызвали снижение урожайности зерновых культур до 4,7 ц/га [14, 24], а ориентация на выполнение любой ценой планов государственных поставок зерна снова привела к голоду, начавшемуся зимой 1936/37 г. и продолжавшемуся до лета 1937 г.

О серьезном кризисе с обеспечением продовольствием уже осенью 1936 г. можно судить из письма демобилизовавшегося в сентябре из Красной Армии И. Чудаева, приехавшего в колхоз "Наша победа" с. Луньга (Ардатовский район). Увидев "некрасивую картину жизни колхозников", Чудаев написал письмо в редакцию газеты "Правда", в котором говорилось: "Тогда, когда мы хотим добиться зажиточной жизни, но здесь у нас получается в данное время совсем другое: колхозники, проработав круглый год, не получили ни одного килограмма хлеба или овощей, а также корма для скота. Здесь имеющийся скот уничтожается, коровы продаются за малую цену, настроение колхозников паническое и не видно пока никакой помощи со стороны вышестоящих органов. Причины этого незавидного дела такие, что плохой урожай и это все сдали в счет поставок и в МТС, а сами остались без зерна..." [15, 51].

С 1936 г. связан и новый рост смертности на фоне падения рождаемости по сравнению с предыдущим годом, прирост сельского населения снизился на треть. Опять увеличилось количество больных сыпным тифом и дизентерией.

Голод первой половины 1937 г. имел не меньшие масштабы, чем голод 1932 – 1933 гг. Сообщения о хроническом недоедании, опухании от голода направлялись в массовом количестве руководству республики из Ковылкинского, Краснослободского, Кочуровского, Ельниковского, Теньгушевского и других районов. Анализ спецсообщений показывает, что в тяжелейшем положении оказались и добросовестно трудившиеся члены колхозов и оставшиеся единоличники, которым помощь приходила в самую последнюю очередь.

В Красную Армию в 1937 г. из голодных сел Мордовии потоком шли родным и близким письма, перехватывавшиеся органами цензуры. Из письма жителя с. Старые Селищи (Большеигнатовский район) своему родственнику: "У нас в селе зараза и старые и малые умирают каждый день, скарлатина – пухнет горло и еще новая болезнь, весь человек пухнет. У Марфы умерла Сима, у Васи умер Виня, Крюков Гриша умер, просто подряд в каждом селе умирают. Лошади падают, люди их употребляют в пищу" [16, 400].

Стремясь избежать голода, колхозники и единоличники пытались покинуть деревню. Такое желание, например, фиксировалось во многих письмах в армию. Например, выдержка из письма из с. Атюрьево (районный центр): "Тут жизнь доходит до трубы, нет ни хлеба, ни картошки, и негде купить.

Из нашего села разъехались почти все, дома продали даром, около 200 семей уехали кто куда"; из с. Кочелаева (Ковылкинский район): "... в Коломасове осталось 130 дворов, а то продают и ломают, уезжают кто куда. Еще уедут много семей, и многие умирают с голода" [17, 180]. И таких писем было довольно много.

Сельские жители прекрасно осознавали, кто является главным виновником голода. Так, единоличник с. Кажлодка (Торбеевский район) Ф. Кормишкин в разговоре с односельчанами говорил: "Сталин народ заморил голодом, народ терпит до определенного времени, потом возьмут, да накинута на хлебные склады. Только одним плохо, нет у нас в крестьянстве организованности. Если была бы организованность, как у рабочих, мы бы голодными не сидели" [18, 7].

Интересна оценка происходящего сельской интеллигенцией Мордовии. Например, в письме, обнаруженном при задержании у учителя из д. Мазилуг Торбеевского района И. Ведякина говорилось: "Товарищ Сталин, я учительствую двадцать лет, и не видел за время моей работы столько голоду, как в настоящее время. Вот уже две недели сижу без хлеба, и нельзя достать ни за какие деньги. Это не человеческая жизнь, а собачья, так жить в дальнейшем невозможно. Многие учителя голодают и бросают работу, уезжают в Москву за куском хлеба. Колхозники то же самое голодают... Вы пишете, что колхозы растут и крепнут, а качественно одно горе. Скотина в колхозах дохнет, ничего нет. Землю убирают плохо, земля истощала, хлеб родится плохо. Колхозники колхозную жизнь проклинают: "Круглый год работали, получили 300 г на трудодень". Товарищ Сталин, в единоличном хозяйстве лучше было, как Вы не хвалите. У каждого было свое хозяйство, скотина была. Бывало работают, радуются, а сейчас в колхозах одно ругательство, беспорядок, и каждый себе тащит... Товарищ Сталин, а Вы пишете, что в капиталистических странах голод, это не верно, а голод в СССР. Это будет правильно и верно. Весь хлеб отправили в Испанию, а в МАССР колхозники и служащие помирают" [17, 190 – 191].

Руководство страны, очевидно учитывая трагические последствия голода 1932–1933 гг., пошло на некоторые послабления в отношении аграрного сектора. Были снижены нормы зернопоставок с колхозов и единоличников, списаны или отсрочивались на будущие годы недоимки с колхозов по натуроплате за работы МТС, задолженности колхозов по возврату семенной, продовольственной и фуражной ссудам [19, 20]. Такая практика продолжала применяться и дальше, так как чаще всего колхозы были не в состоянии выполнять явно завышенные планы государственных поставок. Оказанная государством "помощь" и хороший валовой урожай зерновых, в том числе и в Мордовии в 1937 г. (более 800 тыс. т.), очевидно, способствовали преодолению дальнейшего развития голода.

Однако начало третьей пятилетки стало новым испытанием для колхозной деревни. Неурожайные 1938 (4,9 ц/га) и 1939 (3 ц/га) гг. еще в большей степени отразились на колхозной экономике. В результате более 2/5 колхозов (до 600 хозяйств [10, 76]) кроме авансов на трудодень никаких натуральных доходов колхозникам не выдали. Тем не менее, такого

широкого распространения голод в сельской местности, не получил. Колхозников спасло личное подсобное хозяйство, окрепшее в предыдущие годы, а также запасы сделанные во второй половине 1937 г. Облегчило положение и новая отсрочка платежей, предоставленная государством колхозам. Однако своеобразный "дамоклов меч" оставался продолжать висеть и как только в 1940 г. был собран более высокий урожай зерновых культур, колхозная деревня расплатилась сполна по всем ссудам, "недоимкам" и "задолженностям". Так, государственные закупки в указанном году составили более 40% от валового сбора. Можно сравнить доходность на один трудодень в 1940 г. (к показателям которого апеллируют при оценке степени восстановления послевоенной экономики), с 1934 г., которой характеризовался как не вполне благополучный. Оказывается, что удельный вес колхозов Мордовии, выдавших на трудодень от 3 и более кг составлял в 1934 г. 40,2%, а в 1940 г. всего 13,6% [10, 77]. Эти данные свидетельствуют только о том, что и в 1940 г. колхозный сектор не мог обеспечить колхозников хлебом.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении факты, а также почерпнутые из трудов историков Среднего Поволжья показывают, что в рамках созданного колхозного строя так и не был решен один из главных вопросов, волнующих крестьян, а именно преодоление опасности голода из-за неблагоприятных погодных условий, которые по несколько раз в десятилетие терзали деревню. Более того, к естественным причинам голода в 1930-е гг. прибавилась еще одна – созданная система фактически принудительного изъятия хлеба из колхозов государством (госпоставки), в результате функционирования которой продовольственная ситуация в многонациональной поволжской деревне в довоенное время по сравнению с годами нэпа резко обострилась. Например, в деревне Мордовии голодными стали конец 1932 – первая половина 1933 гг., вторая половина 1936 – начало 1937 гг., существенный недостаток продовольствия испытывало крестьянство и в начале предвоенной пятилетки.

Одним из негативных последствий проводимой в 1930-е гг. аграрной политики стало то, что коллективизация и "раскулачивание", массовые депортации "кулаков", бегство крестьян из деревни из-за тяжелых жизненных условий, переселение их по вербовке, репрессии второй половины 1930-х гг. вызвали существенное снижение численности сельских жителей Мордовии. Слаборазвитая промышленность городов автономии не могла принять и малой доли тех, кто покидал свои села, поэтому крестьяне уезжали в другие регионы Среднего Поволжья и даже далеко за его пределы. При этом снижение численности сельского населения оказалось неожиданностью для работников органов статистики, которые рассчитывали его увеличение во второй половине 1930-х гг. до более 1,4 млн чел. (по переписи 1926 г. – 1,2 млн чел.). В действительности же по переписи 1939 г. численность сельского населения составило чуть более 1,1 млн чел. [20, 355]. Лишь малая часть селян (около 40 тыс. чел.) пополнила города республики, остальные же покинули ее. Резкое снижение началось с 1936 г. и было связано с начавшимся голодом. О массовости "исхода" из деревни свидетельствует то, что во второй половине

1936 г. было выдано 80 тыс. паспортов желавшим уехать сельским жителям, а в первом квартале 1937 г. – еще более 39 тыс. шт. [21, 17]. Это сказалось и на сокращении количества трудоспособного колхозников: в 1937 г. в среднем на один колхоз приходилось 123 чел., а в 1940 г. – 108 чел. [22, 10].

В заключении мы можем сделать вывод, что итоги экономического (низкая урожайность основных полевых культур, состояние животноводческой отрасли, потерявшей в годы коллективизации до 50% доколхозного поголовья, невысокая трудовая дисциплина в колхозах и др.) и социального развития (периодически возникающий голод, усиление миграционных процессов и др.) предвоенной колхозной деревни Среднего Поволжья свидетельствуют о том, что в настоящее время следует с осторожностью утверждать о ее поступательном и динамичном развитии, о чем так трубила еще в сталинское время официальная историческая наука.

Сталинская модернизация деревни стала серьезным испытанием для крестьянского социума республик Среднего Поволжья. Удар, нанесенный по национальному (мордовскому, чувашском, марийскому) крестьянству, по целому ряду причин оказался более чувствительным. Под давлением внешних обстоятельств усилилась миграция из сельской местности в города и рабочие поселки РСФСР, где мордва, чуваш, марийцы и представители других "нацменьшинств" забывали свой родной язык и народные обычаи. Началось продолжающееся до сих пор вымирание села.

1. Данилов В.П., Зеленин И.Е. *Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии. // Отечественная история. – 2004. – № 5.*
2. Ивницкий Н.А. *Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов): Учеб. пособие для вузов и школ. – М., 1996.*
3. Ивницкий Н.А. *Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928 – 1933 гг.). – М., 2000.*
4. Ивницкий Н.А. *Судьба раскулаченных в СССР. – М., 2004.*
5. Кондрашин В., Пеннер Д. *Голод: 1932 – 1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). – Самара; Пенза, 2002.*
6. *Новейшая история Отечества: XX век: Учеб. для студентов высш. учеб. заведений: В 2 т. – М., 1998. – Т. 2.*
7. Милосердов В.В., Милосердов К.В. *Аграрная политика России – XX век. – М., 2002.*
8. *Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.: В 2 т. / Под общ. ред. В.А. Юрченкова; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. – Саранск, 2005. – Т. 1.*
9. Разживин В.Ф. *Динамика сельского населения Мордовской АССР (1936 – 1979 гг.). // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в условиях развитого социализма. – Чебоксары, 1982.*
10. Надькин Т.Д. *Сталинская аграрная революция и крестьянство (на материалах Мордовии). – Саранск, 2006.*
11. ЦГА РМ. – Ф. Р-238. – Оп. II. – Д. 87.
12. ЦГА РМ. – Ф. Р-228. – Оп. 3. – Д. 16.
13. ЦГА РМ. – Ф. Р-238. – Оп. 3. – Д. 138.
14. ЦГА РМ. – Ф. Р-662. – Оп. 30. – Д. 171.
15. ЦГА РМ. – Ф. Р-238. – Оп. 1. – Д. 183.
16. ЦГА РМ. – Ф. Р-238. – Оп. 3. – Д. 22.
17. Солдаткин А.П. *Голод в судьбе советского крестьянства Мордовии // Крестьянин в миру и на войне: Матер. III Меркушкин. науч. чтений. – Саранск,*

2005.

18. ЦГА РМ. – Ф. Р-238. – Оп. 3. – Д. 3.
19. Данилов В.П. *Введение. Советская деревня в годы "Большого террора" // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939: Док. и материалы: В 5 т. Т. 5. 1937 – 1939. Кн. 1. 1937. – М., 2004.*
20. Абрамов В.К. *Мордовский народ (1897 – 1939). – Саранск, 1996.*
21. ЦГА РМ. – Ф. Р-228. – Оп. 1. – Д. 198.
22. *История советского крестьянства Мордовии. Ч. 2. – Саранск, 1989.*

В.А. Нестеренко

КОЛЛЕКТИВІЗАЦІЯ ЄВРЕЙСЬКОГО НАСЕЛЕННЯ ПРАВОБЕРЕЖНОЇ УКРАЇНИ В 1920 – 1930-ТІ РОКИ

Актуальність проблеми колективізації єврейського населення Правобережної України в 1920 – 1930 рр. визначається важливим місцем єврейського населення у соціально-економічній системі.

У міжвоєнний період на теренах Правобережної України (Волині, Київщини, Поділля) проживало чимало етнічних спільнот: українців, росіян, поляків, євреїв, німців, чехів та ін. У соціальній структурі українського, польського, німецького населення переважали селяни, серед російського та єврейського народів – мешканці міст та містечок. Останні у дореволюційний період, за окремими винятками, не займалися хліборобською працею. Однак, докорінна ломка дореволюційної соціальної структури, що відбувалась в радянські часи, змінила соціальний статус багатьох євреїв Правобережжя. В цих умовах ЦК КП(б)У, РНК УСРР зробили спробу створити єврейські сільські колективні господарства. Саме створення та діяльність єврейських колгоспів і є предметом даної роботи.

Значена тема вже має певне відображення в українській історіографії. Так, піонером дослідження колективізації єврейського населення у окреслений період можемо вважати Б.В. Чирка [1], який у своїй монографії подав докладну статистичну інформацію про кількість єврейських колгоспів у Радянській Україні. Однак його робота має дещо описовий характер. О.В. Козерод, досліджуючи становище євреїв у Радянській Україні, побіжно розглянув проблему колективізації єврейського населення [2]. У статті Я.С. Хонігсмана [3] проаналізовано процеси колективізації та занепад єврейського землеробства в Радянській Україні. Стислий аналіз основної літератури з проблематики, що досліджується, міститься в історіографічній праці О.Рафальського [4]. Однак, варто відзначити, що два останні автори звернули головну увагу на південні та східні регіони УСРР.

Становище єврейського населення Правобережної України також не залишилося поза увагою дослідників. Так, у працях Т.П. Антонішеної, Л.Л. Місінкевича, П. Слободянюка проаналізовано низку аспектів історії єврейських громад на Поділлі [5] та досліджено процес єврейського землевпорядкування.

Однак, незважаючи на значну кількість наукових та краєзнавчих праць із зазначеної тематики, окремі її аспекти потребують подальших студіювань. Зокрема,